

Хотя это и звучало как вопрос, уверенный тон не оставлял сомнений: Лю Фуцин заранее знал, что возражений не последует.

Однако Гу Хуай мгновенно разгадал намерения старого начальника и поспешил возразить:

— Но, товарищ командир полка... Я ведь уже подал рапорт об увольнении в запас. Через пару дней освобождаю служебное жильё в военном городке.

Лю Фуцин так и застыл на месте:

— Чего?! Ты что это, шутки со мной шутить вздумал? Какое ещё увольнение? Почему я об этом рапорте ни сном ни духом?

Придя в себя, командир полка не на шутку рассердился:

— Нет, Гу Хуай, ты погляди на него! Страх совсем потерял? Как ты посмел подать документы наверх в обход меня?!

Офицер, впрочем, решился на этот шаг лишь потому, что отлично знал характер своего командира. Тот мог шуметь и сыпать грозами, но по-настоящему гневаться на него не станет.

— Старые фронтовые раны дают о себе знать, — мягко пояснил Гу Хуай. — Как погода портится, так суставы и спину крутит — хоть на стену лезь. Боюсь, на действительной службе от меня теперь мало толку...

Лю Фуцин уставился на него с глубочайшим изумлением, словно перед ним стоял не его лучший батальонный командир, а какой-то самозванец.

Гу Хуай лишь примиряюще вздохнул:

— Я говорю чистую правду. К тому же, если судить по выслуге лет и заслугам, Лао Ли подходит на эту должность куда лучше меня.

— Ли Детянь не подойдёт, — отмахнулся командир полка, даже не задумавшись. — У него семья большая, орава детей. Нет-нет, и не думай.

Гу Хуай удивлённо приподнял брови:

— Но у меня тоже есть семья.

— Твою ж дивизию... — Лю Фуцин с размаху хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы

вылетело, что у меня тут свой «великий предок» имеется.

После этих слов командир полка окончательно сдал назад. Спорить дальше не имело смысла.

С тех пор как в шестьдесят шестом году грянула Культурная революция, государственные вступительные экзамены — гаокао — отменили. И вот теперь, наконец, университеты и техникумы снова начали открывать свои двери. Провинции Шэньси выделили всего несколько заветных квот, и военкоматы во всех уездах из кожи вон лезли, чтобы заполучить хотя бы одну из них.

Официальные требования к кандидатам были суровыми: безупречная политическая сознательность, крепкое здоровье, не менее двух лет практического стажа, возраст около двадцати лет и образование не ниже средней школы. Направлять на учёбу предписывалось рабочих, беднейших крестьян, солдат Народно-освободительной армии, молодых кадров и интеллигентную молодёжь, сосланную в деревни. Но все прекрасно понимали: у армейцев шансов пробиться было несоизмеримо больше.

И Гу Хуай всегда был его лучшим, самым перспективным подчинённым. На него командир возлагал огромные надежды.

Но кто же мог предугадать, что полгода назад у этого парня объявится... жених? И они не просто сошлись, а заключили тайный мужской брачный союз — цзеци. Подобное сожительство с точки зрения закона не укладывалось ни в какие государственные рамки. Случись это года два назад — обоих точно протащили бы через показательные собрания критики и публичного осуждения.

Лю Фуцин предпринял последнюю попытку, понизив голос:

— Но ведь у твоего... сожителя нет причин отказываться. Это же Университет Хуацин! Сам подумай, с твоим послужным списком тебе сейчас легче всего поступить и выбиться в люди.

Намёк был прозрачен: командир деликатно советовал Гу Хуаю порвать с этой нелепой связью, остепениться, найти приличную девушку, завести нормальную семью и спасти свою карьеру.

Гу Хуай лишь спокойно улыбнулся в ответ:

— Товарищ командир, вы же сами упомянули возраст. В правилах написано — около двадцати лет. Мне уже двадцать восемь. Какой толк протирать штаны за партой два года? Выпущусь тридцатилетним стариком. Лучше отправьте Лэй Цинго, парень толковый.

— Скажешь тоже, Лэй Цинго! — фыркнул Лю Фуцин. — Этот оболтус едва три класса окончил, а ты его в столичный вуз сватаешь. Нас же курам на смех поднимут! Ладно, не руби с плеча. Иди домой, подумай хорошенько.

Гу Хуай возвращался в военный городок с тяжёлым сердцем, погружённый в невесёлые думы. Но стоило ему подойти к своему дому и увидеть распахнутую калитку, как внутри всё напряглось. Разум понимал, что воров на охраняемой территории быть не может, но инстинкты сработали мгновенно.

Он в несколько широких шагов пересёк двор, ворвался в дом — и замер на пороге, поражённый зрелищем, какого не ожидал увидеть до конца своих дней.

Его изнеженный, привыкший к роскоши названный брат и суженый стоял посреди комнаты с обмотанной вокруг головы тряпкой. Одной рукой Сун Чжиши зажимал нос, в другой сжимал старую куриную метёлку для пыли и отчаянно сражался с паутиной по углам, то и дело громко чихая.

А началось всё полчаса назад. Сун Чжиши, с превеликим трудом откопав в своих закромах пятирублёвую бумажку — целое состояние по нынешним временам, — воодушевлённо отправился на поиски рынка. Увы, суровая реальность семидесятых быстро остудила его пыл: никакого намёка на свободную торговлю на улицах не было и в помине. Пришлось возвращаться не солоно хлебавши. А ведь он так мечтал устроить для Гу Хуая праздничный ужин! Но без талонов и в отсутствие открытых лавок раздобыть хотя бы кусочек мяса оказалось невыполнимой задачей.

Чтобы хоть как-то занять себя, Чжиши отыскал бамбуковую метёлку из перьев и затеял генеральную уборку. Впрочем, Гу Хуай и сам содержал жилище в образцовом порядке. Единственным уязвимым местом оставались высокие углы под самым потолком, куда Чжиши со всем усердием и нацелился.

Но этого ему показалось мало. Ревизовав свои скудные знания о домашнем хозяйстве, он притащил ведро воды, чтобы вымыть пол, совершенно позабыв, что полы в здешних домах — это не лакированный паркет, а обычная, плотно утрамбованная глина. В результате благих намерений сухой пол мгновенно превратился в грязное болото, расплывающееся жирными лужами.

Спустя полчаса непрерывной возни спина затекла так, словно он разгружал вагоны, а поясницу ломало нещадно. Сун Чжиши уныло вздохнул, мысленно признавая очевидное: тяжёлый физический труд явно не входил в список его талантов.

Он как раз пытался размять затёкшие мышцы, осторожно похлопывая себя по пояснице, когда в проёме двери, озарённый багровыми лучами заходящего солнца, вырос мужской силуэт.

Мужчина был широкоплеч, подтянут, его военная зелёная гимнастёрка с коротким рукавом была туго заправлена в брюки. Ткань насквозь потемнела от пота, облепив рельефную грудь и очерчивая литые, завидные мышцы. Но вопреки столь грозному, крепкому телосложению, лицо его отличалось удивительной, тонкой благородностью: холодный, чистый разлёт бровей,

идеально прямой нос и плотно сжатые, упрямые губы, выдающие суровый армейский нрав.

Целых полвека разлуки... И вот этот человек снова стоит перед ним. Живой, молодой, пышущий здоровьем, без той страшной немощи, что сковала его в старости. Сердце Сун Чжиши пропустило удар, а горло сжало спазмом от нахлынувших чувств.

Он замер как вкопанный, растерянно моргая, и лишь спустя долгие секунды сумел выдавить из себя хриплый, пересохший шёпот:

— Ты... почему ты так рано?

Гу Хуай и сам испытывал невероятное смятение. Молча подойдя к застывшему юноше, он аккуратно забрал из его рук пыльную метёлку и принялся устранять последствия этого стихийного бедствия.

— Вернулся, — только и ответил он.

Короткое, будничное слово отозвалось в груди Сун Чжиши такой щемящей нежностью, что на глаза навернулись слёзы.

Он действительно вернулся. Наконец-то он дома.

Повернувшись, Гу Хуай наткнулся на взгляд Чжиши — тот стоял посреди залитого грязной водой пола с таким несчастным и виноватым видом, словно его только что незаслуженно отругали, и робко ловил каждое движение хозяина дома.

Казалось бы, радоваться нечему: жильё разгромлено, кругом сплошная грязь. Но этот незащищенный, потерянный вид растопил суровое сердце офицера. Вся готовая сорваться с губ нотация мгновенно испарилась, уступив место глухой, обезоруживающей нежности.

Сдавшись без боя, Гу Хуай вздохнул и спросил:

— Проголодался?

В памяти Чжиши всплыла сцена из какого-то старого фильма, который он смотрел уже в бесплотном облиции, после своей кончины. Он шмыгнул испачканным носом и тихо, вкрадчиво пробормотал:

— А ты... не хочешь сварить мне по этому случаю миску лапши?

Гу Хуай, разумеется, шутки не понял. В этих краях, в Хэло, лапша была основой любого стола,

так что вопрос показался ему самым обыкновенным.

Поняв, что шутка не удалась, Сун Чжиши потёр заслезившиеся глаза и послушно кивнул:

— Голоден. Буду.

Помедлив секунду, он тихо добавил:

— Спасибо тебе.

Гу Хуай не подал виду, но в душе его поднялось сильное недоумение.

«Неужели солнце сегодня взошло на западе? — подумал он, тайком разглядывая сидевшего напротив юношу. — Этот капризный баловень мало того, что поблагодарил меня, так ещё и улыбается так кротко, без тени прежнего высокомерия. Хлебнул лиха в уезде, наголодался — и сразу вспомнил, где тепло и сытно?»

Выйдя во двор к рукомойнику, Чжиши зачерпнул горсть прохладной воды и случайно глянул в зеркальную гладь ведра. Оттуда на него воззрилось нечто невообразимое: благообразное, изнеженное личико было густо измазано сажей и пылью, словно он только что выбрался из угольного забоя, а прочерченные слезами белые дорожки делали его похожим на испуганного енота. Боже, какая нелепость! И в таком виде он стоял перед Гу Хуаем, пытаясь изображать драматическое раскаяние...

Впрочем, погоревав секунду, Чжиши махнул рукой. В прошлой жизни он наделал столько глупостей и опозорился так знатно, что эта грязная физиономия — сущие пустяки. Ничего, репутацию придётся возвращать долго и кропотливо, шаг за шагом.

Когда умытый и посвежевший Чжиши вернулся в комнату, из кухни уже доносились аппетитные звуки. Гу Хуай всю хозяйничал у плиты.

Достаточно было одного взгляда на стол, чтобы понять нехитрое меню: лапша с квашеной капустой.

Для жителей провинции Шэньси это блюдо было самым привычным и дешёвым — квашеная капуста водилась в каждой погребе. Конечно, от постоянной кислой пищи со временем начиналась изжога, но выбирать в эпоху жесточайшего дефицита не приходилось. Радовались и этому.

Но даже из таких простых продуктов умелый повар мог сотворить маленькое кулинарное чудо.

Гу Хуай привычным, точным движением извлёк из глиняной кадки упругий кочан золотисто-зелёной капусты и выложил на разделочную доску.

Закатанные рукава гимнастёрки обнажали его сильные, покрытые ровным бронзовым загаром предплечья. Мышцы перекачивались под кожей плавно и мощно. Нож в его руке летал со свистом, снайперски точно превращая капустные листья в тончайшую, аккуратную соломку.

Сун Чжиши невольно залюбовался им. В прошлой жизни он был слишком ослеплён собственным эгоизмом, чтобы заметить, насколько его суженый красив. В этой суровой мужской стати не было ни капли слащавости или напускного лоска — лишь первозданная, спокойная сила.

Поскольку расстались они после крупной ссоры, начать разговор первым было неловко. Чжиши потоптался у дверей, заложив руки за спину, а затем робко придвинулся ближе и заискивающе спросил:

— Послушай... Может, мне помочь чем-нибудь?

Гу Хуай на секунду занёс нож над доской, бросил на него короткий, испытующий взгляд и сухо отрезал:

— Не нужно.

Сун Чжиши замялся на месте, чувствуя себя совершенно лишним.

Взглянув на тонкие, бледные запястья Чжиши, Гу Хуай лишь молча вздохнул. Он достал из шкафа эмалированную банку, зачерпнул щедрую ложку драгоценного свиного сала и бросил на раскалённую сковороду. Следом отправились капуста и сушёный острый перец. По кухне мгновенно разнёсся умопомрачительный, густой аромат за жарки, от которого у Сун Чжиши сладко заныло под ложечкой.

Хоть в вареве не было ни единого кусочка мяса, этот сытный, пряный запах заставил желудок Чжиши издать требовательное урчание.

Заметив, что Гу Хуай принялся опускать в кипящий бульон тонкие кусочки раскатанного теста, Чжиши развил бурную деятельность. Он мигом протёр обеденный стол, ровно расставил табуреты и бережно разложил приборы.

Когда Гу Хуай вынес из кухни две дымящиеся пиалы, его названный брат уже сидел на стуле, сложив руки перед собой. Весь его вид буквально кричал: «Смотри, какой я послушный, похвали меня!»

Гу Хуай осторожно поставил пиалы на стол.

«И что за чертовщину он опять задумал? — настороженно размышлял он, косясь на притихшего парня. — С чего бы вдруг такое усердие? Тоже мне, великий помощник нашелся — за всю жизнь пальцем о палец не ударил, а тут и приборы разложил, и по дому пытается хлопотать. Снова хочет со мной поссориться и укатить обратно в город?»

Знай Сун Чжиши, какие подозрения роятся сейчас в голове Гу Хуая, он бы в голос взвыл от обиды. Он ведь искренне, всей душой раскаялся и решил исправиться, а его по-прежнему держали за неисправимого мошенника и капризного эгоиста!

<http://bllate.org/book/19670/1951370>